

Поставленные и непоставленные сценарии Валерия Залотухи

Я познакомилась с Валерием Залотухой в 1990 году на собрании в Союзе кинематографистов. Собрание было посвящено обсуждению работы тогдашнего главного редактора журнала «Киносценарии» Евгения Григорьева — товарищи по сценарному цеху осуждали Евгения Александровича за то, что он пьет, за то, что печатает в вверенном ему журнале не тех и не то. Сценарий Залотухи «После войны — мир» был напечатан в этом журнале в 1989 году. Валерий Евгения Григорьева очень уважал. А я любила как своего мастера во ВГИКе и честнейшего человека. Мы решили написать письмо в защиту Евгения Александровича. За сочинением этого письма и подружился.

— А ваши сценарии не читала, — призналась я.

— Ну и не читайте, — сказал Валерий.

— А над чем вы сейчас работаете? — поинтересовалась я.

— Пишу сценарий о двух лесбиянках, — ответил Валерий.

«Какой ужас», — подумала я.

И уже через неделю печатала этот сценарий на машинке. Назывался он «Путешествие на край ночи» и был основан на воспоминаниях советского разведчика Дмитрия Быстролетова. Про лесбиянок там было совсем немного.

А Валера Залотуха переехал ко мне в Трехпрудный переулок. Вечерами мы пили вино и болтали. Я узнала, что он влюбился в кино, посмотрев фильм Тарковского «Андрей Рублев», что, мечтая о режиссуре, работал в районной газете в Наро-Фоминске, а ночами писал рассказы. Потом написал сценарий «После войны — мир». Писал о том, что знал хорошо — о жизни в шахтерском поселке, в котором родился. Правда, время действия сценария — самое начало пятидесятых, когда автора еще и на свете не было, но он знал и чувствовал это время на каком-то генетическом уровне, как впоследствии военное — в сценарии «Танк “Клим Ворошилов-2”». Узнав о наборе на Высшие режиссерские и сценарные курсы, Валера подал на конкурс рассказы и сценарий. И случилось чудо: его работы прочел Андрей Тарковский и сказал, что возьмет этого парня в свою мастерскую. Когда директор курсов Людмила Владимировна Голубкина сообщила об этом и показала титульный лист сценария с автографом Тарковского, Валера был счастлив. Но Тарковский уехал в Италию, откуда вернуться на родину уже не смог, а Валерий Залотуха стал учиться в сценарной

мастерской Семена Лунгина и Людмилы Голубкиной. На курсах он слушал лекции Натана Эйдельмана, Мераба Мамардашвили, Виктора Демина, Арсения Гулыги, Льва Гумилева... Валера рассказывал, что самое большое влияние на него оказали две лекции: одну читал его любимый драматург Юрий Клепиков, а другую — Юрий Норштейн. Валера подружился с Валерием Семеновичем Фридом, чьей добротой и незлобностью восхищался всю жизнь. Фрид умел учить и драматургии, и жизни весело и непринужденно — рассказывал об их с Дунским аресте и лагерной эпопее неожиданно смешные истории. Валера очень любил его рассказ о том, как к ним уже на поселение приехала старенькая мама Юлия Дунского и, выгружая продукты из чемодана, ласково приговаривала: «Ну, слава Богу, мальчики, слава Богу, все хорошо, мальчики, вы — навоз истории, мальчики».

Валерий Семенович, когда мы приходили к нему в гости, говорил: «Залог крепости нашей с Залотухой дружбы в том, что ему нравятся брюнетки, а мне блондинки. У нас нет повода для конфликта».

Валера рассказывал мне о Людмиле Владимировне Голубкиной, Валерии Семеновиче Фриде, редакторе киностудии имени Горького Ляле Ольшанской, и из его рассказов я понимала, что именно эти люди своим вниманием, открытостью, доброжелательностью, хорошим вкусом помогли ему стать кинодраматургом и во многом сформировали его. Он смотрел шедевры мирового кино и общался с настоящей московской интеллигенцией, и мир кино казался ему огромным и прекрасным, и ему очень хотелось жить и творить в этом мире. За два года учебы на курсах Валера написал три полнометражных сценария. Его дебютом в кино стал фильм «Вера, надежда, любовь», снятый режиссером Владимиром Грамматиковым. С началом перестройки на студии имени Горького начались съемки сценария «После войны — мир», потом на «Мосфильме» режиссер Николай Скуйбин запустился со сценарием «Отец», в прокате фильм назывался «Бомж». А сценарий «Садовник», который очень высоко ценили Людмила Голубкина и Валерий Фрид, попал на «Ленфильм», его прочел режиссер Виктор Бутурлин и твердо сказал: «Я буду это снимать». Но в восемьдесят пятом году пробить этот сценарий в Госкино было непросто. Бутурлин и Валера часами сидели в приемной тогдашнего министра кинематографии и отвечали на вопросы кинематографических сановников: «А почему герой сценария

все время молчит? Почему у него нет монологов?» — «Молчит, потому что вашу власть не любит», — шепотом в сторону рычал Бутурлин. Год высиживали в начальственных приемных запуск — и высидели, упорством взяли. Валера был на съемках, потом с восторгом рассказывал об исполнителе главной роли Олеге Борисове, о чудесной рыжей Жене Смольяниновой, дебютировавшей в этом фильме. С ней Валера подружился на всю жизнь и считал ее уникальный голос национальным достоянием России. Фильм «Садовник» Валера любил. Спустя много лет, в начале двухтысячных у нас дома оказался отец Герман, друг и сподвижник отца Серафима Роуза, чья фигура очень интересовала Валеру, он даже хотел снять фильм об этом православном американце. Отец Герман спросил, какие фильмы сняты по Валериным сценариям, и, услышав о «Садовнике», встал из-за стола и поклонился Валере в пояс. Валера смутился и растерялся, а отец Герман рассказал, что посмотрел этот фильм в Америке совершенно случайно в момент тяжелейшего душевного кризиса, находясь на грани отчаяния, и фильм вернул его к жизни.

«Смотри-ка, делали фильм искренне, честно, и спустя столько лет его помнит такой удивительный, высоколобый и светлый человек, — говорил Валера после ухода отца Германа. — Надо Витьке рассказать».

Посмотрев «Садовника», Валеру пригласил работать над сценарием фильма «Рой» Владимир Хотиненко. Они сразу подружились. Работали легко и вдохновенно. Валера представил мне Володю как своего любимого товарища и режиссера. Они понимали друг друга с полуслова, им было вместе радостно и интересно.

— Хотя, послушай, что я придумал, — начинал Валера излагать какое-то свое предложение.

— Золотенький! — глядя на него из-под очков искрящимися, полными азарта глазами, говорил Хотиненко. — Гляди, гляди! Шерсть вздыбилась! — Он показывал согнутую в локте руку, на которой и вправду дыбом стояли волосы. — И мурашки пошли, гляди. Значит, точно классная идея.

Во взаимной творческой любви, во взаимном восхищении и искренней дружбе, когда хорошо вместе и болтать, и молчать, и пить водку, и чаевничать, были сначала рассказаны, а потом и созданы фильмы «Макаров» и «Мусульманин». Работалось легко, в удовольствие. Возник творческий союз, о котором мечтает каждый сценарист

и многие режиссеры. Оба были на взлете, страстно любили кино, радовались открывшейся возможности делать честное кино без оглядки на цензуру, без Госкино. Когда в девяносто первом ГКЧП объявил себя властью, Хотиненко сказал: «Если они победят, я уйду в партизаны». Залотуха кивнул: мол, само собой.

ГКЧП проиграл, а Хотиненко и Залотуха получали призы и премии, ездили в Непал выбирать натуру для съемок «Великого похода за освобождение Индии» — сценария Залотухи, получившего приз имени Эйзенштейна на конкурсе, который проводила американская компания «Гемени-фильм».

Альманах «Прибытие поезда», посвященный столетию кинематографа, были приглашены снимать лучшие режиссеры нового поколения. И Валера написал для Хотиненко сценарий киноновеллы «Дорога», писал на конкретных актеров, в любви к которым они с режиссером были едины: главную роль — для Женечки Смольяниновой, мужскую — на Гарика Сукачева, роль нового русского писалась для общего друга — неповторимого Володи Ильина. А оператором был приглашен гениальный Георгий Рерберг. В 1996 году за фильм «Мусульманин» и новеллу «Дорога» из альманаха «Прибытие поезда» на авторов сыпались призы фестивалей, добрые отзывы критиков, приглашения на всевозможные киносмотр и тусовки.

Однажды мы ждали в гости Володю с его женой Виолеттой, они сильно задерживались, а когда наконец пришли, сообщили, что Володя заседал в жюри конкурса салатов оливье.

— Зачем тебе конкурс салатов оливье? — смеялся над другом Валера.

— Сам не знаю, — всплеснул руками Хотя. — Позвали. А я не умею отказывать. Теперь — изжога.

— Надо срочно запить эти салаты, — устремила к столу веселая Виолетта.

Мы с удовольствием составили ей компанию и дружно хохотали над прозаседавшимся в жюри конкурса салатов Хотей.

В 98-м Хотиненко запустился в подготовительный период фильма «Последние времена». Когда у нас дома собралась вся киногруппа на читку сценария, Володя показывал свою руку с вздыбленными волосами, все аплодировали и радовались

предстоящей работе. Фильм должен был стать прощанием с эпохой, прощанием с советским кинематографом.

Грянул кризис, производство фильма было остановлено. Володя ушел на другой проект. А Валера стал задумчиво смотреть в окно. Написал сценарий «Последний коммунист», режиссера для него не нашлось, да продюсеры не больно и искали, говорили: «Сейчас неподходящее время, коммунисты могут обидеться». Переписал сценарий в роман. Роман попал в шорт-лист Букера, был переведен и издан во Франции и в Голландии.

У нас дома стали появляться продюсеры, они предлагали писать сериалы или делать кино по их идеям. Большой частью их идеи были перепевами западного второсортного кино. Валера отвечал вежливо, но твердо: «Я по чужим идеям не работаю. У меня своих достаточно».

В конце девяностых Валера прочитал рассказы Александра Покровского и написал синопсис «Автономное плавание». Синопсис этот понравился автору, и, когда в начале двухтысячных Александр Любимов захотел стать продюсером фильма о подводниках, Покровский попросил, чтобы сценарий писал Залотуха. Валера взялся за работу вдохновенно и предложил Саше Покровскому, чтобы режиссером позвали Хотиненко. Написал очень интересный сценарий «72 метра» — ядреную смесь трагедии и комедии: капитан видит, что его матросов ждет гибель и что им очень страшно, и начинает рассказывать экипажу гомерически смешные истории. Это был, как мне кажется, новаторский и яркий сценарий. Но, если раньше, на «Рое», «Макарове», «Мусульманине», «Дороге», единственным судьей сценария был режиссер, то теперь сценарист и режиссер вляпались в новые времена продюсерского кинематографа. Продюсеры Анатолий Максимов и Константин Эрнст начали вносить поправки и лепить сценарий по лекалам старого советского кино: сначала экспонируются герои, мирная счастливая жизнь, потом катастрофа и подвиг... Валере стало скучно. Володя Хотиненко высказал предположение, что, быть может, продюсеры лучше знают, что нужно сейчас зрителям. Валера посмотрел на друга с недоумением. Во время монтажа картины Валера пару дней просидел в монтажной и предложил свой вариант, Володя поехал с этим вариантом к продюсерам и, вернувшись, сказал уверенно: «Будем делать, как предлагают они. Они люди опытные, знают, как надо. Да и Танечка считает, что надо вернуть сцену, которую ты вырезал».

«Вовочка, ты куришь вторую сигарету подряд», — заботливо сказала жена Танечка. Она, в отличие от Виолетты, оказалась борцом против никотина и алкоголя, что не располагало к дружеским застольям. Валере стало тошно. Он ушел, час гулял по Тверскому бульвару, потом пришел домой и сказал, что сделал все, что мог, и больше говорить об этом фильме не хочет.

И стал писать роман «Свечка». Чем больше он писал прозу, тем меньше его интересовало кино. Нет, он с удовольствием пересматривал Феллини, Висконти, Олтмена, Мельникова, «Мой друг Иван Лапшин» Германа. А современное кино перестало его интересовать.

«Я разлюбил кино», — говорил он грустно.

Только очень хотел написать один сценарий. Ну, когда «Свечку» закончит. Под названием «Счастливые девяностые». Чем больше вопили про лихие девяностые, тем больше хотелось ему воплотить свой замысел. Иногда вечерами мы обсуждали этот гипотетический сценарий и упирались в вопросы: «А кто режиссер? А какой продюсер за это возьмется?»

В 2010-м позвонил Володя Ильин и сказал, что Людмила Гурченко хочет заказать Валере сценарий для себя и Ильина и что надо всем вместе встретиться в кафе на углу Трехпрудного переуллка. Валера не хотел отвлекаться от «Свечки», но отказать Ильину не мог. И мы пошли на встречу. Людмила Марковна пустила в ход все свое обаяние, и драматург, намеривавшийся отказаться, согласился. Через несколько дней Гурченко прочла Валерин синопсис, от которого пришла в восторг, ее муж Сергей Сенин подписал с Залотухой договор, и Валера впервые в жизни взялся за сочинение мелодрамы.

«В конце концов, я профессионал, — подбадривал себя Валера. — Долго ли умеючи, — говорил он и сам себе отвечал со вздохом: — Умеючи — долго».

Но написал быстро. Людмиле Марковне очень понравилась первая часть сценария, где героиня красавица-звезда в роскошных нарядах, и категорически не понравилась вторая — где героиня становится бедной пенсионеркой. Она и продюсер попросили сделать поправки. Валере стало неинтересно, скучно и тошно. Поправки он делать не хотел. Он кинул на меня короткий взгляд, который на нашем семейном языке означал: спускаю с поводка московского терьера.

Терьером была я.

— Аванс остается у автора, поскольку сценарий соответствует синопсису, — обрадовала я собравшихся. — И все авторские права на сценарий тоже у нас.

— А что же остается нам? — поинтересовался продюсер.

— Вам — название «Пестрые сумерки». Я его в книге Людмилы Марковны нашла.

— За пятнадцать тысяч долларов только название? — ужаснулся продюсер.

— Да, — твердо сказала я.

Валера смотрел куда-то в сторону и явно тяготился беседой.

Людмила Марковна скорбно кивнула.

И единственная мелодрама в творческой биографии Валерия Залотухи получила название «Тайная жизнь Анны Сапфировой».

Когда Валера закончил роман «Свечка» и дождался доброго отзыва от издательства, ему стали снова приходиться в голову идеи и сюжеты сценариев. «Может, позвонить Сереже Сельянову... Может, позвоним в гости Сережу и Наташу Мокрицких...» — вспоминали мы приличных продюсеров. Но почему-то не звонили и не звали.

У нас дома телевизора не было, а на даче у мамы был. Иногда мы видели на экране Володю Хотиненко. Он сидел в президиумах, в первых рядах доверенных лиц, участвовал в ток-шоу. «Смотрите, ваш Хотя», — восклицала мама. «Зачем ему это надо, Валерий?» — спрашивала она.

Ток-шоу были не про салаты оливье, и было совсем не смешно. Валера отворачивался от телевизора и выходил из комнаты.

«Ты знаешь, я придумал пьесу. Попробую написать, — сказал мне Валера за пару недель до рокового диагноза. — В театре сейчас жизнь намного интересней, чем в кино. И режиссеры яркие появились...»

Пьесу Валера написать не успел. А последний фильм, который мы смотрели, был «МЭШ» («Военно-полевой госпиталь») Роберта Олтмена. Валерий Залотуха этот фильм очень любил и пересматривал много раз.

— Блеск! — реагировал он на остроумную реплику героя фильма. — Ты посмотри, как блестяще сделано! — показывал Валера на маленький экран айпэда. — Какой класс!

И, смотря старый фильм великолепного американского режиссера, русский писатель и драматург укреплял свой дух, набирался мужества и радовался хорошему кино, которое, как всякое большое, настоящее искусство, не стареет.

Елена Лобачевская

ПОСЛЕ ВОЙНЫ — МИР

Это, наверное, раннее утро или вечер — солнца нет, но светло. Между огородами с отцветшей картошкой и приземистыми двухэтажными домами и сараями лежат на высокой насыпи рельсы железной дороги. Дома по одну сторону путей кирпичные, по другую — деревянные. Людей почему-то нет ни на огородах, ни около домов и сараев. Или их вообще нет, или они спят.

От огромного неживого террикона шел паровоз без вагонов. Он тяжело и шумно дышал, пуская вверх клубы серого дыма, напряженно, с хрустом работая стальными суставами.

И в эти, все заполняющие звуки машины вклинились другие звуки, похожие. Это человек. Где он? Было слышно, как человек дышал — как паровоз, только тише.

Паровоз набирал скорость: теперь он дышал часто и мощно, как сильный бегун.

И человек, видно, тоже набрал скорость — он тоже дышал часто и мощно. Он был сильный бегун.

Паровоз раздраженно и угрожающе загудел, пуская пар, предупреждая.

— Би-би-и-и! — пронзительно и тонко закричал человек. Он тоже предупреждал. Вот он! Он бежал навстречу паровозу и сам изображал паровоз: согнутые в локтях руки ходили наподобие шатунов взад-вперед. Человек увидел идущий навстречу паровоз и вновь встревоженно предупредил:

— Би-би-би!

Паровоз гудел не переставая и пуская пар, не в силах уже ни остановиться, ни даже сбавить скорость.

Лицо человека внимательно и тревожно. Он тоже не в силах был уже ни остановиться, ни даже сбавить скорость. Их разделяло совсем немного... Сейчас произойдет страшное...

И вдруг паровоз сошел с рельсов и, громя железом, спустился с насыпи на твердую глинистую землю. Он не снизил скорости и, успев пробежать с грохотом по земле метров двести, взобрался на насыпь и пошел дальше по рельсам, оставив человека позади.

Усталое и немолодое большое лицо человека с высокими зальсынами спокойно: маленькие прозрачные глаза смотрят только вперед. На груди его, на кителе без погон позвякивают прицепленные кое-как медали и значки. Он в широких измятых и грязных галифе, но без сапог — на ногах

подвязанные бечевкой галоши. В лице его, в глазах — навсегда обретенное счастье...

...Борис просыпается от стука закрывшейся двери. Напротив высокой металлической кровати, на которой он лежит, окно. В окне — белое утро, и видно, как мимо проходит мать, одетая поверх старенького платья в серый пиджак спецовки. Одной рукой она прижимает завернутый в газету шахтерский обед — тормозок, другой — привычно сильно взмахивает при ходьбе. Она уходит. В окне остаются лишь неподвижный корявый ствол тополя, дощатая серая стена сарая да утреннее белое небо.

Борис вскочил с постели, быстро натянул выцветшие шаровары и рубаху, пробежал по половицам мимо большой железной кровати матери с красным куском материи на стене вместо ковра, а на ней фотография — портрет матери и отца, отец в пилотке со звездочкой, — мимо квадратного стола, покрытого белой вышитой скатертью, и этажерки с салфетками без книг — к прибитому в углу умывальнику. Плеснул в лицо пару горстей воды, быстро, на ходу, утерся концом рубахи и повернулся к стоящему рядом небольшому столу с голой скобленной столешницей. На ней — черная сковорода с жареной вчерашней картошкой и кусок хлеба. Борис торопливо набил картошкой рот, а хлеб спрятал за пазуху. С раздувшимися щеками он подбежал к ведру с водой, наклонился и попил, сделав губы трубочкой. У самой двери Борис сунул ноги в брезентовые самошитые тапочки, вытащил из замочной скважины большой ключ, вышел, закрыл дверь, повернув ключ два раза, спрятал его под лежащую на полу тряпку и выскочил на улицу.

Он посмотрел на небо, на совершенно безлюдную улицу, подошел к одному из окон дома, поднялся на невысокий цоколь и заглянул в окно. Комната очень похожа на ту, в которой проснулся Борис. Даже фотография на стене. Только на ней отец и мать Серого. Молодые, улыбаются. Серый спит. Суконное одеяло без пододеяльника сбито в ногах, подушка лежит на полу. Руки Серого раскинуты в стороны, голова запрокинута. Он худой, в больших выцветших трусах, без майки. Борис сильно постучал пальцами по стеклу. Серый мгновенно открыл глаза, перевернулся, посмотрел в окно и соскочил с кровати. Он оделся еще быстрее Бориса, посмотрел на картошку в сковороде, но есть не стал, а только сунул за пазуху хлеб.

Борис, улыбаясь, наблюдал сквозь стекло за другом.

Когда Серый уже подошел к двери комнаты, Борис, вспомнив, громко и торопливо вновь постучал в стекло.

Серый обернулся.

— Банку возьми! — крикнул Борис.

Серый смотрел непонимающе.

— Банку! Банку... — Борис изобразил руками и глазами что-то округлое и, не удержавшись, соскочил с узкой приступки цоколя.

Стукнула дверь, и из дома выскочил Серый. В руке он держал литровую стеклянную банку.

— Пошли, — сказал он недовольно. — До вечера успеть надо... Кур бы покормить... А, ладно... — Почесал лохматую со сна голову и, глядя на банку, спросил: — А чего сам не взял?..

— А мать вчера все банки сдала, — ответил Борис.

Они идут мимо сараев, мимо огородов и густой посадки молодых тополей, взбираются на высокую насыпь и шагают по шпалам рядом, положив друг другу руки на плечи, вперед, туда, где, сгорбившись, дремлет в последние утренние минуты седой от старости, разваленный надвое дождями и ветром террикон.

Дорога к шахте идет мимо деревянных дощатых домов, в которых со своими матерями живут Серый и Борис, и мимо других домов, разных: кирпичных, оштукатуренных и — сложенных из бревен.

Двери домов открывались, из них выходили люди: женщины, но больше мужчины, а иногда и женщины, и мужчины вместе, и у всех — у кого под мышкой, у кого в кармане или в сетке — свои тормозки, а также газетные свертки с полотенцем, мылом и мочалкой, чтобы мыться в бане после работы. Путь к шахте лежал через небольшое поле, с которого только что убрали хлеб, по узкой тропинке. Люди здоровались при встрече, кивая друг другу на ходу. Шли и парами, и тройками, о чем-то по-утреннему негромко разговаривая, а больше — по одному, думая об увиденных этой ночью снах. Так они тянулись цепочкой к шахте, где высился большой и живой, чуть дымящийся наверху террикон и крутилось, опуская людей под землю и вытаскивая оттуда выковырянный людьми уголь, шахтное колесо — копёр.

Мать Бориса поздоровалась с одной, с другой, с третьей, прошла в женскую раздевалку и вышла оттуда совсем другая — в брезентовой, почерневшей от угля спецовке и с противогазной коробкой на боку, в резиновых сапогах, в черной гофрированной каске с лампой «вольф» в руке, и поспешила к бункерам.

Клеть — шахтерский лифт — только поднялась. Из нее сначала вытащили какие-то ненужные сейчас внизу трубы, а потом вышли несколько чумазых до черноты шахтеров с не загашенными еще лампами «вольф». Они работали в ночную смену.

— Здравствуй, Федь, — сказала мать Бориса одному из них, большому, сутулому.

— А, здоров, Ань, — сказал он, при виде нее вскинувшись от лежащей на плечах усталости, и, снова ссутулясь, ушел.

— Чего задержались, ночники? — весело крикнул один из входящих в клеть.

Те не отвечали, улыбались устало.

— А у них там девки в закутке спрятанные, — хохотнул другой.

— И гармония! — добавил первый.

Шахтеры засмеялись. И клеть полетела под землю.

Внизу все быстро освободили ее и пошли по черно-желтой подземной улице.

На откатке уже стояли женщины, с которыми работает мать Бориса, — маленькая толстая бабенка Любка и мать Серого.

— Чего опаздываешь-то? — тонко и весело закричала Любка.

— Проспала чего-то, — сказала мать Бориса и прибавила: — Здрасьте.

— Здорово! — крикнула Любка, видно, она не научилась тихо разговаривать. — Снилось чего хорошее?

— Ага...

— Расскажешь потом!

— Здравствуй, Ань, — бросила на ходу мать Серого. Она первая пошла к наполненным углем вагонеткам. Теперь их надо было откатывать до того места, где их может прицепить подземный поезд. Самое трудное — оттолкнуть вагонетку. Мать Серого уперлась плечом, подавшись вперед, мать Бориса откинулась назад, упершись спиной в стену и отталкивая вагонетку ногой. Рядом, в темноте проходки,

вырываясь, оглушающе шипел сжатый воздух и били отбойные молотки.

— Пошли! — крикнула мать Бориса и, как мать Серого, наклонилась вперед и стала толкать вагонетки. Их лица напряжены, губы сжаты. Пошли...

Сзади навалыщики — мужики. Большими шахтерскими лопатами они быстро наваливают в вагонетки уголь. Они снимают брезентовые робы и остаются в майках, грязных и рваных.

— Пошли-пошли! — кричит Любка.

Пошли...

В самой чаще густого кустарника, где вырыта землянка-штаб, сидят на редкой траве пацаны — те, кто живут со своими родителями в деревянных домах, а дрова, уголь и картошку хранят в деревянных сараях. Это — Витька, Вадим, Рыба и еще двое-трое больших ребят лет по пятнадцати. Остальные — пацаны от семи до двенадцати лет. Здесь же лежат два огромных лохматых пса, которые всегда с пацанами. Все молчат, потому что заняты делом серьезным и ответственным. У «больших», а также у Серого в руках длинные, похожие на старинные, самодельные поджигные пистолеты. Они счищают серу со спичек о края стволов — заряжают.

Между сидящими ползал на четвереньках остриженный наголо ушастый семилетний Колька и собирал очищенные спички. Он собрал целую горсть их и протянул на ладони Рыбе.

— Рыб, сколько здесь, посчитай!..

— Отвали, — отмахнулся Рыба.

— Юрик, посчитай, — обратился он к Юрику, который сам чуть больше Кольки.

Юрик долго смотрел на Колькину ладонь и наконец тихо сказал:

— Мы еще столько не проходили.

— Вить, посчитай, а?

Витька, похоже, самый взрослый из них. Он здесь командир, вождь. Он зажал пистолет коленями, взял с Колькиной ладони спички и пересчитал.

— Восемнадцать... А там у тебя сколько? — спросил он и указал на большую кучку обезглавленных спичек.

— Вот, — Колька показал пальцем на написанное на земле число — 838.

— Восемьсот тридцать восемь прибавить восемнадцать, — считает Витька, записывая на земле палочкой, — будет... восемьсот сорок шесть...

— Пятьдесят, — не отрываясь от дела, поправил его Вадим.

— Чего? — не понял Витька.

— Пятьдесят шесть, — пояснил Вадим, подняв на Витьку спокойные глаза.

— А-а, ну да, — поправился Витька и вывел на земле «856».

— Ты их сколько хочешь собрать, тысячу, что ли? — спросил Рыба.

— Тысячу девятьсот пятьдесят, — ответил Колька, четко выговаривая слова.

— Это почему же? — насмешливо спросил Рыба.

— Потому что сейчас — тысяча девятьсот пятьдесят, — ответил Колька, отодвинул в сторону спящую собаку и нашел под ней спичку.

— Во как, — хмыкнул Рыба. — Дает... Ну как ты целишься?! — прикрикнул он на Юрика, который подобрал с земли пистолет Рыбы и, приставив его рукояткой к лицу, сощурив один глаз, целился в одному ему известную мишень.

— Дай сюда! — Рыба отобрал пистолет. — Так без глаза останешься — отдача... Во как надо, — показал он, вытянув руку и сощурив глаз.

— Дай попробую, а, Рыб? — с тихой надеждой попросил Юрик.

— Вырасти сперва. — Рыба продолжал заряжать пистолет.

Все молчали, занимаясь своим серьезным делом.

— Всё, коробок зарядил, — заговорил первым Витька и бросил в сторону пустой коробок.

— Я — полтора, — подал голос Рыба.

Витька взял шомпол и, трамбуя, объяснил:

— Трубка новая, проверить надо... может разорвать.

Остальные тоже старательно трамбовали заряды, рвали газету на пыжи, засовывали их в ствол, снова трамбовали и после этого стали закладывать в стволы самодельные пули.

— Говорят, в ёлках нашли мужика и бабу с перерезанным горлом, — стал рассказывать Мишка, но замолчал, занятый своим пистолетом.

— Там банда, ее второй год ловят, говорят, и фрицы там есть, — продолжил Вилипутик.

— Хватит, — оборвал их недовольно Витька. — Я сколько раз туда за щавелем ходил... И не видел никого...

— Мало ли что не видел, — не согласился Мишка.

— А я в ёлки за миллион не пойду, — признался Рыба. — Давайте мне миллион — не пойду...

— Ага, просят тебя: «Рыба, возьми миллион!» — хмыкнул Вадим.

Пацаны засмеялись.

Рыба не обиделся, поднялся с пистолетом в руке.

— Получи, вражина, — тихо проговорил он, подготавливая в ямке на стволе «подкормку».

К тополню привязано пугало, одетое в форму немецкого солдата. Мундир страшно изорван, видимо, не одну пулю он уже получил. На его набитой тряпьем безликой голове — черная рогатая каска. Рыба встал, и сразу встали пацаны, глядя на «фрица». Рыба вытянул руку, прицелился и чиркнул боковушкой спичечного коробка по «подкормке». Сначала раздалось шипение. Пацаны вытянули шеи, подняли головы собаки. Выстрел ухнул. Ничто на мундире фрица не шелохнулось.

— Промазал! — первым крикнул Вилипутик, восьмилетний пацан с маленьким лицом и спокойными стариковскими глазами, младший брат Рыбы.

Пацаны и Рыба побежали осматривать мундир.

— Промазал, все дырки старые, — повторил Вилипутик бесстрастно.

Рыбе хотелось поспорить или дать брату пинка, но слишком явно было то, что он промазал.

— Сейчас бы шмайсер, как у Зверя, я б его напополам переломил, — сказал он, не отрывая глаз от фрица.

— Зверь из своего шмайсера голубя на лету сбивает, — негромко, но авторитетно произнес Вилипутик.

— Был бы шмайсер, ты б его, как тэтэшник, Скрипкину отдал, — сказал спокойно Вадим.

— Я отдавал, что ли? — сразу взорвался Рыба. — Он меня портфелем по спине стукнул, я свалился, а пистолет выскочил.

— Ладно, рассказывай, — словно и не Рыбе вовсе сказал Вадим, занимаясь своим «поджигом».

— Чего? Давай я тебя стукну по спине кирпичами? — продолжал горячиться Рыба.

— Давай, — тем же тоном продолжал Вадим. Он сильный. Это по всему видно. Он сильный и справедливый телохранитель вождя — Витьки.

— Хватит вам, — остановил их Витька.

— Вить, можно сейчас я? — спросил тихо Серый.

— Давай, — согласился Витька.

Серый вытянул руку, прицелился и выстрелил. На груди фрица возникли мгновенно три отверстия, из которых вылетел пух. Пацаны и Серый с пистолетом в руке подбежали осматривать пугало.

— В сердце!

— Нет, в середёнку, — вновь авторитетно сообщил Вилипутик.

— Эй, не стреляйте! — крикнул кто-то из кустов.

На поляну выбежал запыхавшийся пацаненок.

— Кирпичники Мишку бьют! — закричал он, задыхаясь.

— Где? — сразу вскочил Витька.

— На линии, там, — пацаненок махнул рукой.

Все кинулись сквозь кусты, на ходу засовывая пистолеты под рубахи.

...Прямо на шпалах дрались трое. Рядом стояли еще несколько человек и молча наблюдали. Увидев бегущих, они что-то крикнули дерущимся и сами побежали за насыпь к стоящим вдалеке кирпичным домам. С земли вскочили двое и бросились за ними, оставив на земле третьего. Ребята подбежали к лежащему вниз лицом Мишке и остановились. Мишка поднял лицо, измазанное кровью и пылью, в сторону кирпичных домов и сказал с пробивающимися сквозь голос слезами:

— Гады!

— За что они тебя?

— Да ни за что! — закричал Мишка. — К отцу на шахту ходил! Шел обратно, а они встретили.

Враги стояли метрах в ста отсюда, за насыпью.

Их стало больше. Они размахивали кулаками, бросали камни и кричали:

— Деревянщики! Эй, деревянные морды, еще получите!

— Говори честно, первый не задирался?! — глядя прямо в Мишкины глаза, спросил Витька.

— Ну, честно, Вить! — закричал Мишка, вытирая лицо рукавом рубахи. — Я еще поздоровался! Там Лысый был... Я ему прошлым летом зуб сломал... А он через год отомстить, гад, решил...

— Давай дадим им, а, Вить, давай турнем, — заныли пацаны.

Витька смотрел на Вадима.

— Снова война начнется, — с сомнением произнес он.

— Кто не хочет жить в мире, того бьют всем миром, — рассудительно произнес Вилипутик.

— Отойди отсюда! — заорал Рыба на брата и вlepил ему сильную злую оплеуху. — Отойдите, все на десять шагов отойдите!..

Пацаны пятились, оттесняемые Рыбой, и смотрели во все глаза на старших, ожидая их решения и желая только одного — войны.

Витька спрашивал что-то у Мишки, у Вадима, удерживал кричащего Рыбу и посматривал на кирпичников, видимо тоже жаждущих новой войны.

— Поджигные не брать, — тихо скомандовал Витька. — А вы, — крикнул он пацанам, — склады раскапывайте.

Все бросились в разные стороны: одни в огороды, другие к сараям — прятать в дровах пистолеты. Пацаны, стоя на коленях, по-звериному, руками быстро раскапывали землю на огородах в только им известных местах. Склады — это сложенные в ямки и засыпанные землей камни и железные болты. Ими все вооружаются, запихивают в карманы штанов, накладывают на руку, прижимая к груди.

— Цепью! — скомандовал Витька.

Все вытянулись в цепь и пошли на противника.

— Кирпичники, сейчас получите! — кричали пацаны. Кто-то из них бросил камень, хотя было явно далеко.

— Не бросать! — прикрикнул Вадим. Кирпичники швыряли камни не переставая, они уже падали среди наступающих.

— Вперед! — скомандовал Витька.

Все бросились за ним, швыряя на ходу камни, крича «ура». Кирпичники не выдержали и побежали.

...После такой быстрой победы были особенно возбуждены пацаны, они кричали, перебивая друг друга и хватая за руки, и рассказывали, как все было. У ног вились собаки, лаяли, но их никто не слышал. Большие старались сохранять спокойствие, но было видно, что и они рады такой быстрой и бескровной победе.

— Бибика! — закричал вдруг Колька, показывая пальцем назад.

Все резко остановились, обернулись. По линии шел, наклонившись, мужчина. При каждом шаге он наклонялся все больше и больше. Все смотрели на него до тех пор, пока Вилипутик не сказал:

— Дурак ты, Колька. Это ж пьяный... А Бибику еще в прошлом году поездом зарезало.

Это действительно пьяный. Все понимают это, поворачиваются и молча идут дальше, забыв неожиданно о победе.

Маленький и низкий зал клуба заполнен людьми. На первых рядах и прямо на полу пацаны глядят завороженно на экран. На экране двое — он и она. У них красивые одухотворенные лица. Они сидят то ли на горе, то ли на крыше дома и восторженно смотрят на восходящее солнце, держатся за руки, крепко их сжав, — это можно понять по лицам. Зрители в зале совсем другие, но глаза их похожи, они тоже радостно светятся.

Внезапно открылась входная дверь, в светлом проеме возникли трое. Один из них, всматриваясь в зал, протянул руку к выключателю и включил свет. Это большой, стриженный наголо рыжий парень. Он нашел того, кого искал, и сказал громко: «Сазан, на выход».

Со своего места поднялся щуплый паренек и, опустив голову, медленно пошел к выходу. Рыжий выключил свет и вышел следом, но дверь за собой не закрыл.

Из зала было видно: тот парень — Сазан, как назвал его стриженный, стоял у стены, а напротив трое. Один из них, светловолосый, что-то говорил ему, словно что-то доказывал. Но голоса слышно не было, так как с экрана гремели завершающие аккорды фильма — солнце почти взошло. Внезапно светловолосый ударил парня резко кулаком в лицо. Голова того дернулась и ударилась о стену. Из разбитого носа потекла на подбородок кровь. Парень закрыл лицо руками и медленно осел. Те трое повернулись и спокойно пошли прочь. Но один из них, маленький, чернявый, вдруг вернулся и с ходу ударил сидящего носком сапога в бок.

Парень медленно заваливается на бок. На экране возникает слово: «Конец».

...Они спускаются с насыпи и садятся на траву, отдыхая...

Борис взял банку и посмотрел на мир сквозь ее дно. Мир сделался круглым и немного смешным.

Серый достал клочок газеты, а в ней немного махорки, быстро и умело скрутил самокрутку. Борис вытащил спрятанную в резинке шаровар спичку и кусочек чирки от спичечного коробка, дал Серому прикурить. Тот затянулся и медленно, по частям, выпускал дым.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru